

УДК [808+81'373.7]:316.722

Е. В. Кузнецова

Язык и культура: языковые единицы как источники культурной информации

Статья посвящена проблеме соотношения языка и культуры на примере языковых единиц. Автором определяются фразеологизмы как хранители и носители культурной информации, поскольку они выявляют ассоциативные связи, культурно значимые фреймы и конкретные образы абстрактных концептов. Подчеркиваются их отличительные черты: реификация, коннотативность, способность к образованию языковых культурных кодов, и функции – транслирующая, оценочно-аксиологическая, метафорическая. На основе анализа теоретических источников сделан вывод, что фразеологизмы благодаря особенностям и выполняемым функциям участвуют в создании общей культурной картины мира и способны к порождению новых культурных единиц подобного рода.

Ключевые слова: язык, культура, языковые единицы, фразеологизмы, культурный код, культурная картина мира.

E. Kuznetsova

Language and Culture: language units as sources of cultural information

The article is devoted to the problem of the relationship between language and culture on the example of language units. The author defines phraseological units as keepers and carriers of cultural information, since they reveal associative links, culturally significant frames and specific images of abstract concepts. The author emphasizes their distinctive features: reification, connotation, the ability to form linguistic cultural codes and functions - broadcasting, evaluative-axiological, metaphorical. Based on the analysis of theoretical sources, it was concluded that phraseological units, due to their features and functions, participate in the creation of a general cultural picture of the world and are capable of generating new cultural units of this kind.

Key words: language, culture, language units, phraseologisms, cultural code, cultural picture of the world.

Проблема взаимосвязи языка и культуры сегодня является одной из наиболее дискуссионных в гуманитарной мысли. Язык выступает как связующее звено между миром познаваемых предметов и познающим миром. Человек, воспринимая окружающее пространство при помощи органов чувств, оценивая и анализируя свои ощущения, создает культурную картину мира, которая воспроизводится и фиксируется в языке. Слово как основная единица языка отражает не предмет реальности, а то представление, видение носителя языка, культурное содержание, которое за ним стоит, преобразуемое впоследствии в соответствующее лексическое значение или понятие.

В целом можно выделить основные научные подходы к рассмотрению соотношения языка и культуры. Представители первого подхода считают язык простым отражением культуры. В результате изменения действительности происходит трансформация культурных феноменов, следовательно и изменения языка [9, с. 115]. В рамках второго подхода язык не существует вне сознания человека. Например, согласно положениям теории «лингвистической относительности» (Э. Сепир – Б. Уорф), субъекты воспринимают мир через родной язык, и каждый язык формирует свою языковую картину мира [14, с. 139]. В. Н. Телия, В. И. Маслова как представители третьего подхода определяют язык как неотъемлемую часть культуры, когда язык и культура сосуществуют в диалоге [12, с. 45; 10]. Язык рассматривается и как «ядро коллективной памяти» (термин Мориса Хальбвакса) народа или, другими словами, культурного кода. В исследовании мы присоединяемся к данной точке зрения.

Собственно, все языковые единицы обладают определенной культурной наполненностью, проявляющейся в разной степени. В каждом языке есть эквивалентные или переводимые слова, не требующие у субъекта выработки в сознании понимания того, что стоит за той или иной конкретной лексической единицей. Но имеются и так называемые безэквивалентные слова, они не переводимы, передать значение которых можно при помощи целого ряда других слов и комментариев. Не следует забывать и о псевдоэквивалентной лексике, когда семантические доли в значениях слов совпадают, а лексический фон различается. Например, употребление в немецком языке слова «Wald» (лес, бор), в английском «forest» (лес, заповедник, заказник), в русском «лес» в лингвокультурной среде отличается. Существуют еще и «ложные друзья переводчика», когда подлинное значение слова не совпадает с тем значением, которое первоначально видится инофону. Например, английское слово «extra» переводится на русский язык как «дополнительный», «добавочный», а не как высшая степень проявления чего-либо («сверх», «супер» и т. д.). Эквивалентную лексику, безэквивалентные и псевдоэквивалентные слова следует отнести к так называемым «свободным единицам» [1, с. 75, 138, 197]. Но в каждом языке присутствуют и «языковые формулы», включающие не только устойчивые структуры различного рода (Das ist; thereis (are); I've got – «это...; есть; у меня есть»), но и фразеологизмы, или идиомы. Российский лингвокультуролог В. Н. Телия считает, что именно фразеологизмы наряду с этнокультурными стереотипами и прецедентными феноменами отражают особенности менталитета народа, динамику трансформаций его культурного кода [12, с. 172].

Цель исследования – выявить роль устойчивых выражений в реализации взаимосвязи языка и культуры.

В современной лингвистике и лингвокультурологии существует точка зрения, согласно которой языковая единица – это лишь сигнал, ко-

торый должен пробудить человеческое сознание и затронуть концепты, способные отозваться на этот сигнал. Язык же является механизмом, способствующим кодированию и трансляции культуры [10]. В действительности источником культуры выступают тексты, содержащие закодированную информацию, транслирующие и вызывающие у аудитории соответствующие ассоциации, передавая таким образом культурный сигнал, функцию которого выполняют фразеологизмы [6, с. 38].

Фразеологизм как часть текста является источником конкретной информации и, следовательно, выступает как носитель и хранитель культурного контента и участвует в формировании этнокультурной картины мира [4, с. 125].

Принцип происхождения фразеологической единицы помогает понять, каким образом устойчивые выражения сохраняют и передают культурную информацию. Вначале на основе реальной ситуации формируется буквальное значение фразеологизма. Далее происходит переосмысление: «запускается» процесс создания образа фразеологической единицы, основанный на первичных значениях слов в исходной ситуации. Именно образ включает в себе ключевую информацию, осуществляя связь с культурой.

Устойчивые выражения в наибольшей степени отражают особенности мировосприятия носителей, обусловленные национально-культурной спецификой. По словам В. Н. Телия, фразеологизмы представляют собой образно мотивированные вторичные наименования, выявляющие ассоциативные связи, культурно значимые фреймы и конкретные образы абстрактных концептов [12, с. 48]. Подобное определение позволяет выделить характерные черты фразеологических единиц как хранителей и носителей культурной информации.

В данном контексте рассмотрим особенности процесса *реификации* – образного о веществе абстрактного концепта [11]. Например, проанализируем употребление в русском языке понятия «время» [13, с. 105]. В процессе исторического развития общества складывались различные представления о времени: 1) время как сила в своем развитии («время летит»; «время впереди нас»); 2) как календарная часть года («время года осень», «время года зима»); как часть суток («время дня полдень», «время дня утро»); 3) как пора, година, срок («придет время, будет и пора»; «всякому овощу свое время»); 4) как период занятости («нет времени», то есть некогда, занят). Категория времени связана также с обозначением периода некоего благосостояния и носит метафоричный характер («время на время не приходит»; «придет время – будет и наш черед»). Таким образом, в первом случае мы имеем дело с персонификацией категории времени, второе, третье и четвертое значения вполне конкретны.

«Опредмечивание» или персонификацию можно проследить в устойчивых выражениях в русском и белорусском языках: «разбить

надежды», «вдохнуть надежду» [Там же, с. 387], «бяда вымучыць і вывучыць» [7, с. 142], «на ўзвей (вей) ветру пускаць» [Там же, с. 166], «спалатнелы як смерць/белы як смерць» [Там же, с. 91], «слязу ў сэрцы трымаць» [8, с. 361], «душа не горнеца» [7, с. 354]. Отметим, что использование в устойчивых выражениях таких понятий, как «сердце», «душа», «судьба», говорит о важности в культурном коде восточнославянских народов внутреннего мира человека.

Фразеологизмы, пронизанные культурным наполнением, интерпретируются через определение связей образов с феноменами, канонами, эталонами, стереотипами и другими знаками культуры. Из этого следует, что данное соотношение с конкретными образами – есть содержание культурно-национальной коннотации. *Культурно-национальная коннотативность* – вторая отличительная черта фразеологизмов как источников культурной информации. Она придает смысловую определенность фразеологическим единицам, метафорам, символам, тексту, в котором они употребляются. Выразительность фразеологизма усиливается благодаря коннотации, и на основе этого проявляются различного рода ассоциации, формирующие собственно коннотацию [10, с. 156].

В целом механизм формирования коннотации выглядит следующим образом: из денотативного значения выделяются отдельные признаки, образ которых в устойчивом выражении представляет коннотативное слово. Например, если говорить о человеке как о хитреце, сравнивая его с лисой, то подразумеваются не рыжий мех и красивый хвост, а хитрость и умение данного субъекта найти выход из любой ситуации. При этом подчеркнем, что создание ассоциативных связей – процесс исключительно культурно-национальный. Поэтому у разных народов животные являются носителями различных свойств характера. Например, в русскоязычной культуре слон ассоциируется с неуклюжестью, в Индии он является воплощением грациозности и изящества, заяц символизирует трусость во многих культурах (славянской, английской), а медведь – грубость (немецкая, испанская) и т. п.

Коннотация создает и сохраняет глубинный архетипический смысл культуры народа, закрепляемый в конкретной языковой позиции, что и формирует культурно-национальную языковую картину. Лингвокультурологи в этой связи используют такое понятие, как «культурная память» языковой единицы (фразеологизма, слова). «Культурная память» – ассоциации, сформированные языковой традицией и имеющие непосредственное отношение к ее прошлому употреблению, что и отражается в современном значении [2, с. 35]. Словотворчество любого народа воспроизводит его длительную культурную и языковую историю. В качестве доказательства приведем примеры устойчивых выражений в русском и белорусском языках с архаизмами:

- кануть в лету (в Лету) [13, с. 247];
- бить баклуши [Там же, с. 37];
- не видно не зги [12, с. 83];
- лезть на рожон [3, с. 417];
- глядзець (пільнаваць, сцерагчы) як вока (у лобе) [7, с. 583];
- лынды біць [Там же, с. 93].

Если культурная коннотация – показатель культуры в языковом знаке, выражающий смысл архетипических моделей окружающего мира, артефактов, религиозных обрядов, магических ритуалов, то можно утверждать, что в языке данные устойчивые выражения лежат в основе формирования языковых культурных кодов.

Характерной чертой фразеологических единиц выступают способности к формированию языковых культурных кодов. В. В. Красных обращает внимание на то, что для всего человечества существует универсальный набор кодов, но в то же время их проявления всегда национально и культурно детерминированы [5, с. 296]. Сегодня в научной литературе не существует единой классификации культурных кодов, которая могла бы вобрать и структурировать их многообразие. Тем более явления культуры и языка, подобно живым организмам, постоянно развиваются, изменяются, обретая при этом новые коды. Канадский семиолог М. Данези, например, предлагает различать социальные, мифические, повествовательные и познавательные коды [16, с. 82–90]. У. Эко выделяет десять кодов: восприятия, передачи, узнавания, тональные, иконические, иконографические, риторические, стилистические, коды бессознательного, вкуса и сенсорные [15, с. 121]. Его классификация нацелена на выявление возможностей реализации многоструктурных взаимодействий.

Исследователи подчеркивают важность для межкультурной коммуникации и таких кодов, как космогонический, вещественный, пространственный, телесный, временной, соматический, фитоморфный (растительный), военный, медицинский, предметный, природно-ландшафтный, архитектурный, пищевой (гастрономический), код одежды (вещно-костюмный), спортивный, зоологический (зооморфный, биоморфный), религиозно-антропоморфный (духовный) и др. [5, с. 297].

Исходя из проведенного анализа и с учетом особенностей формирования и развития культурных кодов восточнославянских племен, можно представить следующую их классификацию:

- соматический/телесный;
- пространственно-временной;
- предметный;
- биоморфный;
- духовно-социальный;
- мифологический.

Данная классификация основывается на том, что наибольшее количество метафорических проявлений культурный код имеет в рамках пространственно-временных категорий, духовных и материальных характеристик окружающего пространства. Соматический (телесный) и биоморфный коды следует считать наиболее ранними по времени формирования, поскольку человек начал исследование окружающего мира с познания себя, своей сущности и природных явлений. В этих культурных кодах нашли отражение тотемизм, анимизм наших предков, а также культы природных стихий: земли, воды. Духовно-социальный код иллюстрирует, как правило, систему ценностей, сложившуюся на основе древнейших представлений славян о Матери-Земле, Матери мира и т. д. Отдельно следует выделить мифологический культурный код, отражающий все, что связано с религией и суевериями (концепты всевозможной «нечисти», ангелов и т. д.).

Сегодня насчитываются десятки видов культурных кодов и их проявлений в языке. Список их разновидностей будет продолжаться по причинам богатства содержательного наполнения культурных кодов, языкового разнообразия, в котором они находят свое выражение, роли, которую они выполняют в межкультурной коммуникации. Коды культуры не только помогают осмыслить окружающий мир, но и понять механизм того, как объекты реального мира становятся носителями символического метафорического содержания. Тем не менее любая из приведенных классификаций условна, поскольку между кодами нет жестких границ, один и тот же код может входить в несколько групп одновременно.

Фразеологизмы как наиболее образные источники культурной информации в лингвокультурном пространстве выполняют определенные функции [11, с. 96]. *Транслирующая* функция хранит в себе культурные смыслы фразеологической единицы и передает их из поколения в поколение. Эта функция позволяет любому языку в целом существовать и развиваться как единой знаковой системе.

В устойчивых выражениях, отражающих эмоциональную сторону духовной жизни человека, важная роль принадлежит *оценочно-аксиологической* функции. Идиома в той или иной степени всегда осуществляет оценивание денотативного аспекта, что закладывает основу ценностной ориентации. Все члены лингвокультурного сообщества как активные участники коммуникативного процесса выражают свои намерения в рамках оценочной шкалы: «хорошо/плохо», «правильно/неправильно», «нравственно/безнравственно». При этом способы оценки могут быть разными, здесь присутствуют денотативные значения и коннотации.

Не менее важная функция, которую реализуют фразеологические единицы, – *метафорическая*. Наша обыденная понятийная система метафорична по сути. Мышление, повседневный опыт и поведение челове-

ка в значительной степени обуславливаются метафорой. Приведем примеры часто используемых выражений: *ни жив ни мертв* – «очень сильно испуган», *хлопать глазами* – «ничего не понимать», *быть под мухой* – «в нетрезвом состоянии» и т. п. Как видно из примеров, фразеологизмы отличаются образностью и выразительностью. Механизм их формирования и отличительные особенности предполагают использование выражения в переносном смысле. Отсюда проявление метафоричности, а также метонимии, гиперболы и других стилистических средств, актуальных для идиом и придающих им экспрессивность.

Таким образом, всякий фразеологизм в широком понимании термина выступает как источник культурной информации. Фразеологизмы (идиомы, устойчивые выражения) транслируют важнейшие сведения о культурно- и словотворчестве народа в виде архетипов, легенд, мифов, обычаев, традиций. Они сосредотачивают значительный культурный контент, воспроизводят особенности менталитета, культуры того или иного народа через коннотацию и реификацию. Благодаря сложному составу и богатому содержанию фразеологические единицы лежат в основе культурных кодов. Фразеологизмы, выполняя транслирующую, оценочно-аксиологическую, метафорическую и другие функции, активно участвуют в коммуникативном процессе, формировании культурной картины мира, способствуют появлению новых устойчивых сочетаний.

1. *Верецагин, Е. М.* Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верецагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. язык, 1980. – 320 с.

2. *Гудков, Д. Б.* Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.

3. *Даль, В. И.* Пословицы русского народа : сб. / В. И. Даль. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. язык Медиа, 2004. – 815 с.

4. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 560 с.

5. *Красных, В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

6. *Леонтьев, А. А.* Признаки связности и цельности текста / А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1976. – 160 с.

7. *Лепешаў, І. Я.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Т. 1 : А – Л. – Мінск : БелЭн, 1993. – 590 с.

8. *Лепешаў, І. Я.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Т. 2 : М – Я. – Мінск : БелЭн, 1993. – 607 с.

9. *Маркарян, Э. С.* Культура как система: общетеоретические и историко-методологические аспекты проблемы / Э. С. Маркарян // Вопросы философии. – 1984. – № 1. – С. 113–122.

10. *Маслова, В. И.* Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – М. : Наследие, 1997. – 207 с.

11. *Телия, В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия ; отв. ред. А. А. Уфимцева ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1986. – 143 с.

12. *Телия, В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты : моногр. / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 288 с.

Тэорыя і гісторыя культуры

13. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля / под общ. ред. Н. В. Шахматовой. – СПб. : Весь, 2004. – 736 с.

14. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 135–168.

15. Эко, У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию / Умберто Эко ; пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. – СПб. : Симпозиум, 2004. – 544 с.

16. *Danesi, M.* Encyclopedia of mass media and communication / Marcel Danesi. – Univ. of Toronto Press, 2013. – 752 p.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 01.03.2023.